

ББК 81.02

С.В. Доронина

ФАКТЫ И МНЕНИЯ: речевые средства выражения персуазивного модуса в публицистическом дискурсе с точки зрения лингвистической экспертизы

Ключевые слова: эпистемическое модальное значение, высказывание, мнение, речевой ход.

Аннотация: В статье рассмотрен ряд речевых ходов, направленных на выражение эпистемических модальных смыслов в публицистических текстах. В соответствии с целевыми установками лингвистической судебной экспертизы приемы делятся на фактивные и субъективные.

Doronina S.V. Epistemic mode expressions in the of journalistic discourse in accordance with the purposes of linguistic forensics

Keywords: Epistemic modal sense, fact meaning, statement, opinion, communicative move.

Summary: This article describes a number of speech turns of epistemic modal meanings in the journalistic texts. In accordance with the purposes of linguistic forensic techniques it can be divided into fact meaning and subjective meaning expressions.

Воплощение речевой стратегии дискредитации в публицистическом дискурсе требует внедрения в сознание адресата негативного образа персонажа. При этом автор далеко не всегда заботится об истинности сообщаемого, и потому использует не только информирование, но и иные приемы речевого воздействия. Их целью является создание некоторой картины объективной реальности, которую реципиент принимает не критически, несмотря на информативные лакуны или даже логическую противоречивость высказываний. Для снижения критического порога реципиента используются приемы повышения статуса автора, понижения статуса внешних участников коммуникации, эмоциональной подстройки к адресату, приемы, маскирующие информационные и логические лакуны в рассуждении, и пр.

Поскольку суть коммуникативного воздействия заключается в том, чтобы передать информацию о мире или трансформировать уже имеющиеся представления, то способ, избираемый для данного изменения, может получить оценку в системе эпистемических категорий. Противопоставление речевых приемов в аспекте выражения эпистемического значения отчасти отражено во многих классификациях видов речевого воздействия: в делении на информирование и убеждение [Баранов 2003], информирование и интерпретацию [Паршина 2007], «перестройку категориальной структуры» и «изменение отношения к объекту» [Почепцов 1998] и др. Все они производны от традиционной

риторической классификации речевых приемов, обнажающих «очевидность факта, чувства или разума» [Кондильяк, цит. по Демьянков 1989, с. 18]. Аналогичную оппозицию находим в системе категорий коммуникативного синтаксиса, описывающих модальное значение персуазивности [Всеволодова 2000]. Обоснование такого подхода обнаруживается и в фундаментальных семасиологических исследованиях, согласно которым сферой проявления модальных значений является текст [см., например, Гальперин 1981].

Рассмотрение высказывания в отношении его содержания к действительности требует выделения как минимум двух коммуникативных разновидностей: факт и мнение. Фактивное высказывание дескриптивно, объективно, проверяемо, его источником являются как наблюдение за объективной реальностью, так и интеллектуальная реконструкция на основании предыдущего опыта говорящего или на основании общеизвестных фактов. Фактивное высказывание имеет форму утверждения с пресуппозицией знания и накладывает на говорящего ответственность за его соответствие действительности. Мнение имеет ментальную природу, оно есть результат интеллектуального моделирования действительности. «Мнения и точки зрения ... являются внутренними объектами. Они зарождаются и формируются, принимаются, вынашиваются и порой оставляются...» [Вендлер 1987, с. 304]. Лексические маркеры факта и мнения довольно хорошо изучены, дискурсивные приемы выражения данных значений все еще требуют пристального исследования.

Для описания текстовых элементов по их отношению к целому используется термин «речевой (коммуникативный) ход», понимаемый как «прием, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной... тактики» [Иссерс 2006, с. 117] или «такая функциональная единица последовательности действий, которая способствует решению локальной или глобальной задачи под контролем стратегии» [Ван Дейк 1989, с. 274]. Таким образом, коммуникативный ход обладает относительной смысловой целостностью, структурной выделительностью и единством прагматических значений, подчиненных глобальной коммуникативной задаче. Поэтому, несмотря на полипропозитивный характер информации, зачастую передаваемой при помощи отдельного речевого хода, его эпистемический статус определим лишь в целом по отношению к коммуникативному замыслу автора.

Лучшим способом воздействия на читателя является точность описания события, которая достигается за счет его конкретизации и детализации. Наличие в дескриптивном высказывании актантов времени, места, способа действия, точное указание участников события позволяет отнести контекст к фактивным высказываниям. Ср.: *«После его скандального увольнения за нарушение финансово-хозяйственной дисциплины была*

проведена налоговая проверка, которая длилась с 20.06.01 по 26.09.01. Она обнаружила весьма значительный объем серьезных нарушений, налоговых неуплат на сумму более двух миллионов рублей (Акт № 212/02 выездной налоговой проверки от 16.11.2001 г.)»

В случае недостаточности конкретной информации говорящий прибегает к различным тактикам, маскирующим содержательную неполноту высказываний.

Прием экспликации рассуждения. Когда Дж. Остин говорит о том, что знание может быть получено аналитическим путем, он имеет в виду, что к объективной информации следует относить не только суждения о непосредственно наблюдаемых событиях, но и суждения о событиях, целостность которых восстанавливается при помощи умозаключений [Остин 1987]. Однако экспликацию рассуждений в тексте все-таки следует признать одним из приемов выражения уверенного мнения. Показатели логического вывода, кроме порядка изложения мыслей, выражают авторизационный смысл, то есть придают суждению субъективный статус. Категорический оттенок при этом передается логически правильным построением суждений, которые при истинности посылок, как известно, способны дать истинное знание.

Маркерами рассуждений являются как союзные средства (*если...то; следовательно, значит*), так и целые предложения (*Все это о чем говорит? Что же в итоге получается*). Ср.: *«Получилось, что человек, который по роду службы должен противодействовать незаконному бизнесу, «крышует» нелегальных предпринимателей»* (газ.). Информационный статус данного выражения обусловлен наличием в нем предикативной конструкции *«получилось, что»* со значением 'краткий итог, логическое следствие сказанного'. Вербализованная операция логического следствия вводит в повествование фигуру говорящего субъекта, является одним из видов авторской интерпретации. А средство выражения авторизации одновременно является и средством выражения одного из значений эпистемического модуса.

Вместе с тем, говорить о субъективной модальности высказывания можно лишь в случае экспликации хода авторской мысли. Если высказывание содержит конвенциональную импликацию, вытекающую из действия коммуникативных и логических законов, то она при отсутствии маркеров принадлежности чужому сознанию является модально нейтральной и относится к утверждениям о факте.

Ср.: *«В новости не сказано, что спирта не нашли уже по адресу Алтайская, дом № 3. Пока сотрудники УВД выставляли караул на охрану дома по первому адресу, на втором к их приходу уже были готовы. Тот же «юрисконсульт» припарковался рядом на своём автомобиле»* (газ.)

Буквальное понимание представленного контекста невозможно, так как в нем не отражена связь между отсутствием спирта по указанному адресу и припаркованным автомобилем «юрисконсульта». Данная информация выявляется в результате действия коммуникативных

законов целостности и связности текста, посредством операции логического вывода из посылок, имеющих в контексте:

'к приходу милиции были готовы' + 'юриисконсульт припарковался рядом' = 'юриисконсульт помог подготовиться'.

Данный смысл представляет собой коммуникативную импликацию и является обязательным текстовым смыслом, поскольку какое-либо иное соединение элементов контекста в цельное и связное произведение невозможно. Денотативный статус имплицитно выраженного суждения следует определять исходя из того, что выражения «спирта не нашли», «к приходу были готовы», «юриисконсульт» припарковался» в свою очередь представляют собой утверждения о фактах. Таким образом, исследуемое суждение также является утверждением о факте, поскольку «... утверждение части означает утверждение целого, то есть утверждение составляющих ситуации и их признаков означает утверждение самой ситуации, не выраженной непосредственно, но присутствующей в глубинной смысловой структуре текста» [Лисоченко 1992, с. 104].

Таким образом, говорить о субъективной эпистемической модальности высказывания можно лишь в случае вербализации процедуры семантического вывода.

Прием навязывания интенций. В основе данного приема лежит выражение семантики целеустановки, главным средством которого являются непропозициональные глаголы (хотеть, намереваться, стремиться и пр.). Лингвистика исходит из того, что суждение о состоянии сознания персонажа, как бы оно ни было выражено, не может быть объективным и поэтому представляет собой мнение. «Ситуация, когда мы знаем, что другой человек думает, что дважды два четыре или что он видит мышь, отличается по ряду важных параметров от той ситуации, когда мы знаем, что человек раздражен или голоден» [Остин 1987, с. 81]. Данный тезис может быть спроецирован и на семиологический анализ коммуникативных единиц. Ср.: «Чтобы развалить коллектив школы, Х делала все. Даже встречалась с главой городской администрации» (газ.) Представленные суждения не находятся в отношениях обязательной причинно-следственной связи: встреча с главой администрации могла иметь множество иных причин. Приписывание поступку именно этой цели определяется не сведениями о конкретных событиях, а представлением говорящего о системе ценностей и потребностях персонажа. Поэтому выражение «чтобы развалить коллектив школы» является мнением о состоянии сознания другого лица. «Неужели сторонники действующей (пока) власти, сидящие в комиссии, настолько не уверены в положительном для власти исходе голосования, что сделали все возможное, чтобы фальсифицировать результаты выборов»(газ.). В данном высказывании суждение о намерениях персонажей, присоединенное союзом «чтобы», поддерживается контекстом: предположением об эмоциональном состоянии персонажей. Данный прием в

классической риторике обозначается как «чтение в сердцах», когда «софист не столько разбирает ваши слова, сколько те тайные мотивы, которые заставили вас их высказать» [Поварнин 1996, с. 81].

В то же время наличие маркера причинно-следственной связи (союза «чтобы») не всегда является признаком мнения. Предложение с данным типом союза в контексте может приобретать значение 'X делает попытку сделать что-л.' и являться утверждением о факте. Для интерпретации высказывания как суждения о действии, а не о целеполагании необходима непосредственная (очевидная) причинно-следственная связь между двумя излагаемыми суждениями и поддержка значения контекстом: 1) *Он приезжал, чтобы объяснить, но она ничего не желала слушать и только плакала.* 2) *Чтобы снять деньги товарищества, он приезжал в банк дважды (газ.).*

Лексический состав высказывания является главным, но не единственным средством выражения коммуникативной установки высказывания. Одним из способов оформления приписываемых персонажу намерений является прямая речь, представляющая собой прием «чтения мыслей» персонажа (так называемый прием внутренней речи). *«Комиссия живенько поделила людей на черненьких и беленьких, на абсолютно неимущих типа учителей, инвалидов («что с них взять?») и работающих середнячков («А раскулачим-ка мы их в пользу хозяина, пусть лет 15 побудут у него в финансовой кабале»)* (газ.). В приведенном контексте прямая речь не является цитатой, поскольку для цитирования необходимо соблюдение двух условий:

- 1) данное высказывание должно быть произнесено или написано персонажем;
- 2) оно должно быть услышано или прочитано другим лицом.

Однако анализируемые высказывания содержат такие языковые признаки, которые противоречат этим условиям. Во-первых, выражения включают противопоставленные по стилю языковые средства: устно-разговорные частицы «а» и «-ка», разговорный порядок слов, с одной стороны, и сугубо книжную метафору «финансовая кабала», с другой. Данные средства придают игровой характер высказываниям, свойственным шутке, иронии, художественной речи). Во-вторых, выражение побудительного значения формой 1 лица множественного числа «раскулачим-ка» является нетиповой, абсолютно не свойственной современной речи (за исключением слов *пойдем, поедем* и некоторых других). Такие формы используются преимущественно в изобразительно-выразительной речи. В-третьих, формы 1 лица множественного числа в побудительной функции выступают как формы совместного действия. Это уменьшает вероятность присутствия при данном коммуникативном акте третьего лица. Наконец, сам факт произнесения данной речи в присутствии посторонних дискредитирует говорящего, выдавая отсутствие у него моральных принципов. В своей совокупности указанные признаки не позволяют смоделировать такую речевую ситуацию, при которой данные

высказывания могли быть услышаны третьим лицом (журналистом!). Исследуемые выражения представляют собой внутреннюю речь персонажей статьи.

Прием описания психологических состояний. По принципу действия – характеристика внутреннего мира персонажа – данный прием близок предыдущему. Также как и интенциональные состояния, сенсорные, когнитивные, аксиологические установки другого лица не подлежат верификации по причине их широкой вариативности и многообразия способов выражения. На этом основании суждения о психологическом состоянии собеседников и третьих лиц также относятся к мнениям.

Реализация данного приема осуществляется на уровне информативно-синтаксической структуры высказываний. План их содержания оказывается соотнесен не только с предметной, но и с коммуникативной ситуацией (представлением говорящего о психо-эмоциональном состоянии субъектов). При этом модальная составляющая высказывания не всегда оказывается мотивированной дескриптивной частью высказывания, что вынуждает читателя догадываться о причинах эмоции. Ср.: *«Эти судебные решения принимались не без помощи органов опеки Новоалтайска, которые с непонятым восторгом описывали роскошь дома А. Р. в своих заключениях» (газ.)*. Аксиологическое суждение, выражаемое словом «восторг», (восторг – подъем радостных чувств, высшее удовлетворение [Ожегов, Шведова 1999]) есть результат реконструкции внутреннего состояния участников коммуникации на основании их речевого поведения. В результате стандартная, четко формализованная процедура выступления органов опеки и попечительства в бракоразводном процессе, подразумевающая подробное описание будущего места жительства ребенка, предстает в тексте как аморальный поступок. Ср. аналогичный пример: *«На заседании многие свидетели со стороны моего мужа выступали с опущенными в пол глазами. Я вот думаю, неужели им всем заплатили? Или настолько люди боятся властей предержажущих?» (газ.)* Фразеологическое выражение, содержащееся в данном контексте, имеет значение 'испытывать неловкость, стыд' и также предполагает «чтение в сердцах». Причины же неловкости, испытываемой персонажами, в дескриптивной части высказывания не содержатся, однако позволяют читателю догадываться о том, что свидетели на суде вероятнее всего говорили неправду.

Модальное значение, предопределяющее тип высказывания, может быть выражено не только сирконстантными компонентами предложения, но и входит в структуру лексического значения предиката. Так, информационный статус высказывания *«Местные журналисты освещать тему в пользу Тани не решаются» (газ.)* определяется значением глагола

решаться – избрать какой-нибудь способ действия после обдумывания, сомнений, отважиться на что-либо [Ожегов, Шведова 1999].

Указанный глагол входит в два лексико-семантических разряда: в группу фазисных предикатов (уточняет, на каком этапе совершения находится основное действие), а также в группу эмотивов (об этом свидетельствует наличие в толковании значения компонента «отважиться» – набраться смелости, начать делать что-л., преодолев страх [Ожегов, Шведова 1999]). Таким образом, выражение «не решаются» имеет значение «не делают, потому что испытывают страх».

Таким образом, эпистемическое значение имеет весьма широкий спектр выразительных средств и требует разноаспектного анализа высказывания в контексте речевой ситуации. Понятие речевого хода оказывается вполне приемлемым для этих целей.

Прием интерпретации фактов. Данная тактика также является средством выражения мнения, реализуется на композиционном уровне текста и представляет собой повтор изложенных фактов, осложненный авторской интерпретацией. Интерпретирующее суждение всегда следует за интерпретируемым. Его содержание нарушает коммуникативный постулат (максиму) количества, но в то же время актуализирует модальные смыслы или устанавливает имплицативные связи. Такое высказывание имеет и формальные показатели (*иначе говоря; то есть; итак; воистину; если я вас правильно понял,...*; *то, что Р, означает...* и др.) Ср.: *Срочный отъезд С. накануне отчетно-выборного собрания означает, что он вовсе не собирается сдерживать данные обещания (газ.) Развал экономики либералами был далеко не случаен и не был следствием неопытности – те, кто делал это, просто выполнили свой заказ и сейчас взялись за «военную реформу», то есть, иначе говоря – за разгром армии (газ.)*. Однако главной особенностью данного приема является смысловое взаимодействие контекстов: повтор является ремой высказывания и, следовательно, не может быть объяснен иначе, чем коммуникативной установкой на выражение авторской позиции.

Довольно часто интерпретирующие высказывания располагаются в финальном абзаце газетной статьи. Пример: *И на фоне борьбы за удешевление жилья даже как-то неудобно получается: одной рукой лезешь за деньгами в бюджетный карман, другой – повышаешь цены на цемент для всех остальных, третьей – дешево строишь для себя. Рук, конечно, не хватает. Зато как выгодно!* (газ.) Данный отрывок содержит дескриптивные суждения, которые приобретают интерпретационный статус за счет того, что являются свернутым повторением рассказанной истории, некоторым итогом повествования.

Намного более сложный случай имеет место, если альтернативное описание ситуации используется как врезка к основному тексту статьи. «*Родители Тани звонили родителям Алексея. Таня звонила из Москвы, но в доме Р. никто не брал трубку, а Алексей был все время недоступен. Галина Тихоновна, мама Тани, тоже не могла встретиться с внуком: каждый раз, когда она приезжала к дому Р., ворота были закрыты*» (газ.) Данное высказывание

представляет собой полипропозитивный диктум, включающий следующие событийные и логические пропозиции: (1) 'Галина Тихоновна приезжала к дому Р.', (2) 'каждый раз ворота были заперты', (3) 'поэтому (Log)', (4) 'Галина Тихоновна не могла встретиться с внуком'.

В контексте статьи данный отрывок сопровождается врезкой «*Меня не пускали к собственному сыну!*», являющейся объяснением причин всех перечисленных фактов. Выбор глагола «(не) пускать» служит выражению контекстуального смысла 'семья Р. не желала, чтобы мать и бабушка общались с ребенком, и противодействовала этому'. Вне данного контекста высказывание «меня не пускали к собственному сыну» представляет собой утверждение о факте, организованное каузативным предикатом. В то же время анализ высказывания в рамках более широкого контекста обнаруживает, что одно и то же событие описано в контексте дважды: с позиций сугубо событийных и с позиций интерпретации, объясняющей причины события. Это обуславливает восприятие высказывания как субъективного отражения уже изложенной информации.

Частный случай приема интерпретации представляет собой повтор-пересказ реплики собеседника. Данная тактика часто встречается при цитации, когда интерпретирующее суждение синтаксически связано с интерпретируемым, имеющим специальное пунктуационное выделение, и маркируется при помощи специфических средств авторизации (*иными словами, иначе говоря, то есть*). «*А. Уткин утверждает даже, что «Правящая элита [США] неверно определила основную опасность для положения Америки в мире, увидев ее в терроризме, тогда как эта опасность заключается в возвращении к многополюсному миру», — иначе говоря, в растущей мощи ЕС*» (газ.).

От данного приема следует отличать другие случаи косвенной речи, при которых, в сущности, возможны искажения, обусловленные коммуникативными помехами или особенностями процесса понимания. Однако при отсутствии средств субъективной модальности изложение чужих слов воспринимается как утверждение о факте в соответствии с общим правилом нулевого способа выражения фактивности. В частности, высказывание «*В. В. называет все случившееся хорошо спланированным мошенничеством*» (газ.) допустимо лишь в том случае, если высказывание персонажа обладает семантическим равенством с формулировкой, избранной автором газетной публикации.

Прием авторизации. Известно, что средства авторизации способны выразить добавочные модусные смыслы [Демьянков 1989]. В частности, указание на автора суждения может служить и средством выражения его достоверности. Ссылка на авторитет представляют собой «знание из вторых рук» [Левин 1998]. Данный прием описан в классической риторике как весьма эффективный способ убеждения. Его воздействующий потенциал определяется тем, насколько авторитетным является источник информации, на

который дается ссылка. Данный прием используется при изложении объективных данных и служит для повышения степени достоверности информации. В целом, чем более точно называется источник информации и обстоятельства, при которых она была получена, тем выше степень доверия слушающего к информации, заключенной в высказывании: «*В распоряжении редакции имеется диктофонная запись беседы Украинцевых с О., во время которой глава района обещает «продырявить» и «отправить по этапу» главу семьи, если тот поедет выяснять отношения в Сургут»* (газ). Выражение «обещает «продырявить» и «отправить по этапу» главу семьи» является утверждением о факте, достоверность которого маркирована посредством указания на его источник.

Вместе с тем субъективное эпистемическое значение может быть проявлено и в авторизованных контекстах. В этом случае источник информации не называется, но вместо этого создается множественная референтная группа, указание на которую направлено на моделирование уверенного мнения читателя в истинности сообщаемого. Двойственная функция доводов к авторитету, позволяющая вводить не только достоверные, но и вероятностные суждения отмечалась и в риторических практиках [Поварнин 1996]. В них, в частности, указывается, что введение ссылок на источники информации способствует повышению доверия к речевому сообщению. При этом обозначение социальной группы вместо указания на конкретных людей служит для создания видимости общего мнения целой группы сведущих лиц. Подобные выражения зачастую оцениваются как манипулятивные приемы, позволяющие говорящему создать иллюзию объективности изложения информации. Описание механизма выражения эпистемического смысла следует производить с учетом того, что семы достоверности – недостоверности могут быть выражены как именами субъектов авторизации, так и непропозициональными предикатами. Например, в высказывании «*Е.И. Петров объяснил нашему корреспонденту, что газ в поселок начнет поставляться лишь следующей осенью»* (газ.) информативный статус высказывания определяется наличием семы фактивности у глагола «объяснить». В следующем высказывании сема фактивности выражена дважды: «*По свидетельствам очевидцев, по вполне понятным причинам просивших не называть их имен, подготовка и участие Х в выборах была оплачена из бюджета «Крайэнерго»* (газ). Слова «свидетельство» и «очевидец» обозначают ситуацию непосредственного наблюдения за событием и, следовательно, полное знание о подробностях его протекания. «*Информация об этом получена из самых достоверных источников»* (газ). В данном высказывании средством выражения объективности информации выступает качественная характеристика ее источника. В том случае, если значение предиката не дифференцировано относительно эпистемической шкалы, то фактивный компонент значения может выражаться именем.

Данное значение содержат такие лексемы, как «специалист», «компетентный источник», «эксперт».

В этом же ключе могут быть рассмотрены так называемые приемы генерализации. Если предикат высказывания содержит сему фактивности, то оно сообщает факт, если же лексемы с таким значением не содержится, то суждение не является утверждением о факте, даже если оно принадлежит большому кругу лиц: *Весь город знает/ Весь город судачит о том...* – маркером факта является только первое высказывание.

Таким образом, применение элементов компонентного анализа к высказываниям с функцией авторизации позволяет прояснить коммуникативное намерение автора высказывания. На основании исследования значений двух лексем список недифференцированных с точки зрения фактивности манипулятивных высказываний может быть существенно сокращен.

Способы выражения эпистемических значений авторизационными контекстами

Фактивные высказывания	Нефактивные высказывания
<i>По сообщению осведомленных лиц/ по заявлению официальных источников...</i>	<i>В осведомленных кругах поговаривают...</i>
<i>Арбитражный суд установил...</i>	<i>Судя по разговорам в коридорах арбитража...</i>
<i>как сообщил компетентный источник...</i>	<i>Специалисты связывают это событие с...</i>
<i>В пресс-центре президента пояснили...</i>	<i>В пресс-центре президента поговаривают/ в кругах, близких к президенту, пояснили.../ в кругах, близких к президенту, поговаривают...</i>
<i>Имеются сведения о том...</i>	<i>Ходят упорные слухи...</i>

В случае, когда в рамках одного и того же контекста сталкиваются лексемы противоположных эпистемических модальностей, возникает эффект погашения фактивности. Так, высказывание «*по мнению специалистов*» маркирует субъективную эпистемическую модальность высказывания, несмотря на указание компетентности автора высказывания при помощи слова «специалист». Маркирование суждения компетентного лица как мнения не позволяет придать высказыванию статус утверждения о факте. Аналогично выражение «*по предварительным подсчетам Госкомстата*» также является маркером мнения, поскольку в предварительном подсчете не исключена неточность.

Пример. *Новость о том, что X растратил большую часть профсоюзных сбережений, быстро облетела весь институт (газ.)* Фактивность негативного высказывания предопределена словом «новость», содержащим в структуре своего значения компонент

«истинность сообщаемого». Наличие этого компонента значения проявляется в ограничении лексической сочетаемости данного слова с лексемами, выражающими модальность неуверенности: **Новость о том, что X вероятно растратил большую часть профсоюзных сбережений; *Новость о том, что С, наверное, вернется не скоро..; * Новость о том, что Р явно вернулся...* Фактивность также актуализируется в парадигматическом противопоставлении слова его синонимам «слух», «сплетня», «молва», которые также могут быть распространены среди широкого круга лиц, но, в отличие от новости, не имеют статуса достоверного факта. Ср.: *«Народная молва говорит о том, что в собственности у г-на Г. также имеются две трехкомнатные квартиры в краевом центре. Причем одну из них он получил от крайадминистрации».* Данный контекст также представляет собой случай распространения говорящим недостоверной информации в целях дискредитации объекта речи.

Прием построения демагогического суждения. Достаточно часто в рамках критического контекста употребляются маркеры модальности неуверенности. В логической модели «может быть это и не так, но...» они являются маркерами уверенного мнения: *«Раньше на этом месте располагался детский сад, но неожиданно сгорел. Не потому ли, что глаз на эту землю положил весьма влиятельный в крае человек. Кстати, строительством теремочка (коттеджа для персонажа статьи – С.Д.) руководил не кто иной, как господин Кулинич, известный в городе архитектор, руководивший строительством мостового перехода через реку Обь. Не исключено, что речь идет о простом совпадении, но после того, как коттедж был сдан под ключ, в числе новых судей арбитражного суда были замечены двое детей строителя» (газ).* Данный манипулятивный прием называют «возражение под видом согласия» [Булыгина, Шмелев 1997], частный случай построения демагогического суждения. Фактивные высказывания, следующие за противительным союзом, уничтожают значение неуверенной модальности. В соответствии с коммуникативным постулатом релевантности высказывание «может быть и X, но У» означает 'уверен, что не X'. Именно это значение придает всему негативнооценочному высказыванию иронический оттенок.

Прием утверждения под видом вопроса. Особенностью риторического вопроса является то, что предложения, по форме являющиеся вопросительными, по смыслу являются утвердительными. При этом тип передаваемого эпистемического значения зависит от содержания высказывания и дополнительных контекстных условий. Так, например, выражения *«Ответьте на два вопроса: Смысл вашей жизни – во благо города, горожан, ваших подписчиков? Смысл Вашей жизни – ваш доход за счет города, горожан, ваших*

подписчиков?» представляют собой риторический вопрос, о чем свидетельствуют следующие текстовые признаки:

1) предлагаемый персонажу выбор между двумя нравственными принципами «жизнь во имя других» и «жизнь во имя собственного кармана» является манипулятивным приемом «мнимая альтернатива» [Быкова 1999]. Противоположные моральные установки требуют однозначного выбора положительного образца поведения.

2) в предыдущем контексте персонаж характеризуется как человек, заботящийся исключительно о собственном благополучии.

В рамках целого текста исследуемое выражение приобретает следующее значение 'X нарушает моральную норму «жизнь во благо других людей»'. Предложение представляет собой суждение этического характера, в основе которого лежит нормативная оценка поведения [Вольф 1985]. Таким образом, исследуемое предложение является оценочным суждением.

В другом случае каскад риторических вопросов имеет дескриптивное содержание и его эпистемический статус зависит от иных контекстуальных признаков.

1) *«Не Вы ли, будучи руководителем НЭП банка, оставили вкладчиков без денег в свое время?»*

2) *«Не Вы ли «прихватизировали» детский садик на ул. Обской?»*

3) *«Не Вы ли имеете ряд предприятий, в том числе ломбард, в котором за гроши берете золото у тех, кто в нужде?»*

Составная частица «не...ли» имеет несколько значений: 1) вопрос с определенной долей неуверенности; 2) утверждение о факте с оттенком недоумения. Второе значение реализуется в тех контекстах, где коммуникативная функция вопроса противоречит содержанию предложения, поскольку детальное описание ситуации исключает незнание говорящего о том, кто является субъектом действия. Поясним данный тезис на примерах:

(1) Не Вы ли написали это письмо?

(2) Не Вы ли написали нам о том, что он приезжает на следующей неделе?!

В первом примере имеет место простой вопрос. Во втором - степень информированности говорящего о событии настолько высока, что предложение по своему коммуникативному замыслу не может являться вопросом: если говорящий читал письмо, то он вероятнее всего знает, кто его автор. Поэтому предложение является сообщением о событии и выражением эмоционального отношения к этому событию. Приведем значимый для толкования анализируемых высказываний предшествующий абзац: *«А вот с 90-х годов, полностью с ним согласен, ситуация радикально изменилась. Именно такие «перестройщики» как К. затеяли «демократизацию», которой мы все свидетели. Что же случилось в итоге? Простые*

*граждане, работяги, гнущие спину у заводского станка или на железной дороге, обеднели, а такие, как К. стали владельцами банков, ломбардов, газет». Данный отрывок выражает общий тезис автора статьи: 'Во времена перестройки люди, подобные К., нажили капиталы за счет простых граждан'. Следующий абзац по смыслу является развертыванием тезиса на конкретных примерах. В нем излагается информация о конкретных поступках лица. Кроме того, предложение, подытоживающее ряд риторических вопросов («*Эти вопросы вам, господин К., можно задавать и задавать, но толку-то, духу ответить не хватит!*»), свидетельствует о том, что автор текста заранее знает ответ на перечисленные вопросы и имеет целью не запрос информации, а обвинение персонажа в определенных действиях. Из всего сказанного следует, что анализируемые предложения имеют следующий смысл: 'Именно Вы, будучи руководителем НЭП банка, оставили вкладчиков без денег в свое время. Именно Вы «прихватизировали» детский садик на ул. Обской. Именно Вы имеете ряд предприятий, в том числе ломбард, в котором за гроши берете золото у тех, кто в нужде' и представляют собой утверждения о фактах. В описанном случае риторические вопросы приобретают фактивную модальность в результате употребления в более широком контексте, исключающем субъективный эпистемический смысл. В случае отсутствия в тексте специальных маркеров знания автора об объекте речи однозначная модальная квалификация риторического вопроса как утверждения о факте была бы невозможна.*

В следующем контексте аналогичный вопрос выражает модальность предположения, граничащего с уверенностью. «*Если как-то можно найти место, чтобы видеть одновременно урну, комиссию и кабинки, то во время скопления народа заметить что-нибудь уже просто невозможно. Не потому ли автобус пришел всего два раза? Вполне достаточно, чтобы в двух волнах наплыва избирателей обеспечить «тайное голосование заинтересованных лиц» (газ).* Данный вид эпистемической модальности поддерживается более широким контекстом, в котором все обвинения против персонажей выдвигаются в предположительной форме: «*За то время, в которое все происходило, любой из членов комиссии, или кто-то другой (о ком мы и не догадывались) мог спокойно подойти незамеченным к урне и положить туда любое количество бюллетеней. А может быть, отсутствуя в помещении для голосования, наблюдатель от Сурикова пыталась создать себе «алиби»?* Таким образом, риторический вопрос совместим с разными эпистемическими оттенками за счет воздействующего потенциала своей внутренней формы. Вопрос способен обслуживать различные иллокутивные функции: запрос информации, выражение неуверенного и уверенного мнения, сообщение о факте. Применение стратегического подхода к описанию функционирования языковых знаков в рамках дискурса позволяет дать

им более точную интерпретацию, поскольку в тексте отсутствие знака или предпочтение его другому знаку оказывается информативным.

Таким образом, эпистемическое значение имеет весьма широкий спектр выразительных средств и требует разноаспектного анализа высказывания в контексте речевой ситуации. Понятие речевого хода оказывается вполне приемлемым для этих целей.

Библиографический список:

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2003.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М., 2007.
3. Быкова О.Н. Языковое манипулирование общественным сознанием. – Красноярск, 1999.
4. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.
6. Всеволодова М.В., Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М., 2000.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
8. Демьянков В.З. Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. – М., 1989.
9. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2006.
10. Левин Ю.И. О семиотике искажения истины/ Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М., 1998.
11. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой. – Р/нД., 1992.
12. Остин Дж. Чужое сознание // Философия. Логика. Язык. М., 1987. С. 48 – 96.
13. Паршина О.Н. Российская политическая речь. Теория и практика. М., 2007.
14. Поварнин С. Спор. О теории и практике спора. Сп.-б., 1996.
15. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации (от речей президентов до переговоров с террористами). М., 1998.
16. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения. Екатеринбург. 2002.
17. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Приемы языковой демагогии. Апелляция к реальности как демагогический прием// Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997.